

Введение

Распад Советского Союза стал причиной нарастания неопределённости и хаоса в международной системе. Впервые в истории изменение мирового порядка не спровоцировало крупномасштабную войну между великими державами, которая бы закрепила новый баланс сил. Тем не менее, за последние несколько десятилетий произошёл ряд кризисов и региональных конфликтов. В результате этого на политической карте мира появилось несколько несостоявшихся государств (англ. failed states), неспособных позаботиться о собственных гражданах; остро стоял и вопрос их защиты в вооружённых конфликтах Baev P. Russian perceptions of state failure and Russia's involvement with fragile states // Canadian Foreign Policy Journal. 2006. Vol. 13. № 2. P. 167.. Для обоснования вмешательства в конфликты, сопровождающиеся острыми гуманитарными кризисами, страны Запада с конца 1990-х - начала 2000-х гг. активно продвигали принцип «ответственности по защите» (англ. responsibility to protect, в научной литературе часто сокращается до R2P) и идею гуманитарной интервенции, базирующейся на данном принципе. В реальности, однако, концепция оказалась крайне противоречивой, до сих пор оставаясь ключевым элементом международно-правовых дискуссий и споров, которые ведутся по вопросам её права на существование, реализации и соответствия нормам международного права Kumar K. State Sovereignty to Sovereignty of Individuals: Evolution of R2P // Strategic Analysis. 2011. Vol. 35. No. 6. P. 971..

Таким образом, можно заключить, что гуманитарное вмешательство не прекращает быть важным элементом международно-политического дискурса уже третье десятилетие, что свидетельствует об актуальности исследования российской позиции именно в этой сфере.

Объектом исследования является концепция гуманитарной интервенции в международных отношениях. Предметом исследования является трансформация российской позиции по этому феномену с 1990-х годов до наших дней. Гипотеза исследования заключается в том, что, несмотря на активное сопротивление внедрению идеи гуманитарной интервенции в широкую международную практику, Россия с течением времени заняла более конструктивную позицию, отвергая только те положения концепции, которые были связаны с нарушением суверенитета и международного права. Трансформация российского подхода, в свою очередь, была обусловлена началом курса на становление России как центра силы в многополярном мире, а также усилением роли вопроса национальной безопасности во внешнеполитической концепции России.

Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить эволюцию России по вопросу гуманитарным интервенциям на протяжении существования современной России. С учётом поставленной цели представляется логичным выполнение в ходе работы следующих задач:

- определить теоретические основы гуманитарной интервенции и принципа «ответственность по защите»;
- установить связь между гуманитарными интервенциями и государственным

суверенитетом;

- проследить развитие позиции России по гуманитарным интервенциям на доктринальном уровне;
- выявить особенности российского концептуального подхода к «ответственности по защите» на современном этапе;
- оценить соответствие концептуальной позиции России и практической её реализации;
- обозначить перспективы концепции «ответственность по защите» и развитие позиции России по этому вопросу.

На основе поставленных задач можно сформировать следующую структуру работы. В первой главе затрагиваются концептуальные аспекты гуманитарной интервенции, её теоретическая база и применимый к ней аналитический аппарат.

Во второй главе поэтапно изложены и проанализированы элементы российской позиции по вопросам гуманитарного интервенционизма, основанной на ключевых документах внешней и оборонной политики страны. В третьей главе сопоставляется официальная точка зрения РФ по данному вопросу и практика её внешнеполитической позиции, а также рассматриваются сценарии дальнейшего развития концепции «ответственность по защите» и российского подхода к ней.

В работе использован широкий спектр различных источников и научной литературы. Среди использованных источников присутствуют официальные документы, как российские (Военная доктрина РФ, Концепция внешней политики РФ), так и международные (Устав ООН, Доклад Комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета); использованы отчёты социологических опросов Фонда общественного мнения, Левада-Центра и Всероссийского центра исследования общественного мнения. Что касается литературы, следует отметить асимметричную степень научной проработанности темы в России, где чаще всего представлены общие рассуждения по тематике, и за рубежом, где различные её аспекты изучены довольно подробно. В работе использованы статьи российских авторов В. Котляра, Е. Ананьевой, Б. Ашавского непосредственно по исследуемой тематике на русском языке, а П. К. Баева - на английском, а также работы Е. Г. Энтиной, В. А. Светлова, К. Шлыкова по смежным вопросам. Кроме того, использованы материалы Российского совета по международным делам, ряда интернет-источников (в частности, некоторые факты почерпнуты из электронных СМИ - Газеты.Ру и «Независимой газеты»). В работе используются исследования таких зарубежных авторов, как А. Вендт, С. Уолт, А. Беллами, А. Куперман, Г. Эванс, Г. Басс, Л. Спалдинг, Л. Говард и другие.

Новизна работы состоит в том, что впервые в отечественном научном дискурсе предпринята комплексная попытка анализа эволюции российского подхода к гуманитарным интервенциям как на доктринальном и официальном уровне, так и на практике.

Методология работы включает в себя сравнительный метод, анализ документов и научной литературы, обработку количественной информации и социологический метод. Из экспликативных методов в работе представлен метод контент-анализа.

1. Концептуальная характеристика гуманитарной интервенции гуманитарный вмешательство интервенция суверенитет

1.1 Историческая и теоретическая база идеи гуманитарного вмешательства

Гуманитарная интервенция не новое явление в мировой политике. Возможность интервенции для защиты граждан от религиозных и других преследований берёт своё начало с идей Гроция и Джентили («защита от тирании») и активно обсуждалась ещё в XIX - начале XX вв.; несмотря на отсутствие доктрины прав человека и зачаточное состояние международного права как такового, призывы помешать притеснению христиан (в основном в связи с присутствием Османской империи на Балканах) звучали нередко. Ситуация резко изменилась к середине XX века, когда Уставом ООН был окончательно закреплён принцип невмешательства и господства государственного суверенитета Heraclides A. Humanitarian Intervention in International Law 1830-1939. The Debate // Journal of the History of International Law / Revue d'histoire du droit international. 2014. Vol. 16. No 1. P. 26-34..

Второе рождение концепция обрела в конце двадцатого столетия. После событий в Сомали, Руанде и на территории бывшей Югославии ООН была учреждена Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (англ. International Commission on Intervention and State Sovereignty - сокращённо ICISS), выпустившая в 2001 году доклад «Ответственность по защите», который стал концептуальным обоснованием и оправданием интервенции в гуманитарных целях. В 2005 году принцип был принят международным сообществом в рамках саммита Генассамблеи ООН Haslett B. No Responsibility for the Responsibility to Protect: How Powerful States Abuse the Doctrine, and Why Misuse Will Lead to Disuse // North Carolina Journal of International Law & Commercial Regulation. 2014. Vol. 40. P. 179.. Для рассмотрения гуманитарного интервенционизма и «ответственности по защите» необходимо установить чёткие теоретические рамки. По данному вопросу в основном англоязычным сообществом выпущено большое количество статей, в целом выделяющих конструктивистский подход при анализе исследуемой темы. Конструктивизм позиционируется как критическая теория международных отношений, противопоставляющая своё видение событий и акторов на международной арене главным образом двум классическим «теориям-корифеям» реализму и либерализму. В первом случае основные вводные, от которых отталкиваются теории, практически схожи: один из идеологов конструктивизма, Александр Вендт, отмечал в статье 1995 года, что конструктивисты в целом принимают государства в качестве ключевых игроков на международной арене, стремление государств наращивать силовой потенциал, анархичное строение международных отношений и рациональное поведение агентов, а главный упрёк в сторону реалистов Вендт выражал в том, что национальные интересы берутся ими как что-то статичное и априорное, в то время как конструктивистская школа предусматривает социальную базу и призму восприятия внешнего мира как ключевой фактор формирования национальных интересов страны Wendt A.

Constructing International Politics // International Security. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 73-74..
Анархию в международных отношениях Вендт призывает рассматривать не как нормальное их состояние, а как социальный конструкт - продукт мировоззрения акторов, способный, как следствие, трансформироваться с течением времени под влиянием в том числе мировоззренческих факторов Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics //International organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 424..

Другой исследователь, Стивен Уолт, в своем аналитическом обзоре состояния развития различных теорий международных отношений в период после «холодной войны» приводит основные аргументы в пользу основных теорий и основные их слабости. На основании обобщений Уолта можно доказать меньшую пригодность других теорий международных отношений применительно к вопросу гуманитарных интервенций.

Реалистическая парадигма, суммирует Уолт, базируется на положении о силовом соперничестве государств, которое происходит на основе гонки за национальными интересами Walt S. M. Op. cit. P. 38.. Из этого можно вывести следующее: государствам выгодно размытие суверенитета, а вместе с ней и принципа невмешательства в дела других государств, поскольку это бы открывало новые возможности для продвижения собственных интересов Schutte R., Kubler J. The Responsibility to Protect: Concealed Power-Politics or Principled Policy // AG Human Security Occasiona Paper. 2007. Vol. 2. P. 17.. При этом, следуя логике силового измерения мировой политики, несложно предположить, что чем крупнее силовой потенциал государства на мировой арене, тем выгоднее ему такой вариант развития событий, и наоборот. Кроме того, Уолт выдвигает в качестве основного недостатка реализма его неспособность признавать изменчивость международной системы Walt S. M. Op. cit. P. 38.. В последующих частях работы акцент делается именно на такой трансформации в двух её измерениях - международном и в рамках позиции отдельной страны - выбор данной теории видится нецелесообразным. В добавление к изложенному выше можно высказать чрезмерную склонность реализма видеть текущие процессы исключительно через призму национальных интересов, не оставляя места самостоятельному существованию международных норм и принципов.

Вторым столпом теоретического осмысления международных отношений является либерализм. Отмечается, что норма гуманитарной интервенции имеет много общего с либеральным видением мира, в котором существуют универсальные человеческие ценности - в первую очередь права человека и общечеловеческая мораль, - стремление распространять которые повсеместно служит универсальным объяснением мотивов для подобного вмешательства Spalding L. A Critical Investigation of the IR Theories that Underpin the Debate on Humanitarian Intervention // International Public Policy Review. 2013. Vol. 7. No. 2. P. 7..

Однако такой подход является чрезмерно идеализированным, поскольку он несостоятелен на практике. Неугасающие дебаты вокруг противоречивости концепции гуманитарной интервенции и «ответственности по защите» свидетельствуют о разнице её восприятия в разных странах, что также является

показателем отсутствия глобального согласия по вопросам общечеловеческих ценностей.

Таким образом, преимущества конструктивизма в исследовании гуманитарного интервенционизма сводятся к следующему. Во-первых, конструктивизм является неким средним звеном между реализмом и либерализмом. От первого он отличается способностью признавать трансформацию в международных отношениях, от второго - уходом от неприменимого на практике универсализма. Уолт обозначает в качестве акторов в данной парадигме индивидов и элиты, а основной слабостью - невозможность прогнозирования ввиду неспособности предугадать появление и развитие идей Walt S. M. Op. cit. P. 38.. Кроме того, конструктивизм, несмотря на способность нивелировать противоречие между выбором государств в пользу сотрудничества или соперничества (объясняя это господствующими идеями и дискурсом), является инструментальным в том смысле, что неспособен создать «сухую выжимку» и теоретизировать государство, а значит, нуждается в применении к каждому отдельному случаю Weber C. *International relations theory*. L., 2005. P. 77.. В настоящем анализе изложенные недостатки конструктивизма, однако, не играют решающей роли и не превосходят недочёты других парадигм. Спор вокруг акторов - государство против индивидов или элит - в данной работе сведён к компромиссу между элитами и государством и персонификацией последнего: поскольку речь в дальнейшем будет идти о позициях стран, будет приниматься во внимание именно мнение политического истеблишмента. Более того, в данной работе поставлена цель оценить позицию конкретной страны и подход мирового сообщества; следовательно, отсутствие «идеального типа» государства в конструктивистской логике не препятствует нашему анализу.

Кроме того, необходимо учесть институциональное направление исследования гуманитарного интервенционизма. Оно построено вокруг теории морального риска, берущей начало из сферы страхования. Профессор Техасского университета Алан Куперман рассматривает идею гуманитарной интервенции в качестве некоего подобия страховки, которую международное сообщество, страны или их объединения предоставляют гражданам страны (или части граждан) от нарушения прав человека правящими кругами страны, в которой они проживают. Исходя из положений автора, аналогия со страхованием допускает возможность порождаемого ей явления морального риска. Относительно тематики гуманитарных интервенций примером служит увеличение риска восстания, даже несмотря на вероятность решительной реакционной политики властей: участники восстания, будучи «застрахованными» от подобных действий иностранной интервенцией, становятся более уверенными в успехе попытки государственного переворота. Однако если в теории это действительно повышает шансы восставших на успех, то в действительности интервенция оказывается либо недостаточной, либо начинается слишком поздно, чтобы способствовать смене режима и, как следствие, отразить жёсткую реакцию властей, а значит, закрепление «ответственности по защите» в международном праве не может служить гарантом защиты от геноцида и репрессий, лишь оставляя иллюзорные надежды Kuperman A. J. *Mitigating the Moral Hazard of*

Humanitarian Intervention: Lessons from Economics. // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. April-June 2008. Vol. 14. No. 2. P. 219..

Вероятности морального риска противопоставляются также эмпирические данные, опровергающие корреляцию интервенций и новых восстаний. Так, значимым фактором, связанным с моральным риском в концепции «ответственности по защите», является его связь с массовыми нарушениями прав человека, будь то при притеснении этнических меньшинств или репрессиях против бунтовщиков. Для проверки корреляции между этими двумя составляющими исследователи по дате распределили все случаи подобного геноцида за период с 1945 по 2008 годы. Исходя из данных составленного ими графика, авторы заключили, что, во-первых, новые случаи геноцида за этот период не составили явной закономерности; пик пришёлся на 1975 год, а последняя вспышка массовых нарушений международного гуманитарного права датируется 1991-1992 годами - то есть, моментом зарождения гуманитарной интервенции. Во-вторых, больше всего продолжительных случаев геноцида и нарушений прав человека было в 1980-е годы, в то время как с начала 1990-х гг. оно, за исключением незначительного подъёма в начале 2000-х гг., снижалось Bellamy A., Williams P. On the limits of moral hazard: The 'responsibility to protect', armed conflict and mass atrocities // *European Journal of International Relations*. 2011. Vol. 18. No. 3. P. 548..

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на логичность теории, не существует чёткой закономерности между введением нормы «ответственность по защите» и ростом потенциальных революционных настроений в различных точках земного шара. Отсутствие статистической корреляции, однако, совершенно не исключает такой возможности, поэтому необходимо принимать её во внимание при анализе.

Кроме того, для последующего анализа практики гуманитарных интервенций необходимо прояснить ряд терминологических и концептуальных вопросов. Во-первых, требуется четкое понимание «гуманитарной интервенции» и связанных с ней терминов. Во-вторых, необходимо определить набор критериев, под которые подпадала бы гуманитарная интервенция. В-третьих, следует затронуть международно-правовую сторону вопроса.

Что касается разграничения между терминами «ответственность по защите» и «гуманитарная интервенция», необходимо подчеркнуть различный контекст использования этих понятий. Во-первых, «ответственность по защите» можно рассматривать в качестве одного из оснований для оправдания гуманитарной интервенции Bellamy A. J. The Responsibility to Protect and the problem of military intervention // *International Affairs*. 2008. Vol. 84. No. 4. P. 616..

Кроме того, R2P можно охарактеризовать как теоретический принцип, в то время как термин «гуманитарная интервенция» всё же употребляется по отношению к международной практике Lu C. Humanitarian Intervention: Moral Ambition and Political Constraints // *International Journal*. 2007. Vol. 62. No. 4. P. 943.. Наконец, в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета «ответственность по защите» рассматривается в качестве

предполагаемого обязательного условия, на которых международное сообщество должно оказать помощь в случае гуманитарного кризиса или неспособности правительств гарантировать соблюдение прав человека; в числе видов оказываемой помощи указано и военное вмешательство The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // International Coalition for the Responsibility to Protect. 2001. URL:

<http://responsibilitytoprotect.org/iciss%20report.pdf> (retrieved May 10, 2016)..

Соответственно, в контексте данной работы гуманитарную интервенцию мы можем определить как иностранное вмешательство, направленное на смягчение последствий массовых злодеяний или гуманитарных катастроф, осуществляемых в соответствии с принципом Я2Р.

Если говорить о критериях для реализации концепции гуманитарной интервенции, в данной работе используются условия, перечисленные в докладе «Ответственность по защите». Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета выделяет шесть элементов, которые должны быть приняты во внимание. В первую очередь, процесс принятия решений должен осуществляться уполномоченным органом. Во-вторых, причина интервенции должна быть исчерпывающим образом обоснована. В-третьих, вмешательство должно совершаться в мирных целях. В-четвертых, любые военные действия должны происходить исключительно в случае неспособности разрешить ситуацию мирным путем. В-пятых, эти меры должны соответствовать масштабам ситуации и поставленным целям. В-шестых, важна нацеленность на стопроцентно положительный результат Ibid... В теории этот список, как представляется, является достаточным для обоснования каких-либо военных действий, особенно в гуманитарных целях, так как прописаны серьёзные ограничительные рамки. Они, впрочем, являются довольно размытыми при применении в реальных случаях, что на практике может вылиться в превышение полномочий или эскалацию.

Наконец, существуют значительные противоречия между «ответственностью по защите» и существующими международно-правовыми нормами, касающимися применения силы. С одной стороны, Устав ООН предусматривает только один уполномоченный орган для проведения военных действий - Совет Безопасности ООН, который имеет право санкционировать любое вмешательство Charter of the United Nations. 1945. URL: <http://www.un.org/en/charter-united-nations/index.html> (retrieved May 10, 2016)... Более того, другое положение документа осуждает любые попытки нарушить суверенитет другого независимого государства при условии, что оно не соответствует основным целям ООН, каждая из которых, в свою очередь, направлена на поддержание всеобщего мира и сотрудничества Ibid.. С одной стороны, доклад нацелен на улучшение работы СБ ООН, с другой - предлагаемые ограничения права вето постоянных членов во имя гуманитарных целей в свете отсутствия прогресса в реформе Совета Безопасности вряд ли будут применены. Подводя итог, можно сказать, что концепция гуманитарной интервенции, как представляется, является продолжением дискуссии в отношении моральных и юридических оснований для оправдания односторонних действий или действий,

предпринимаемых международным сообществом для разрешения гуманитарных кризисов, которые местные органы власти не могут или не желают урегулировать, а именно принципа «ответственности по защите». В то время как существующие международно-правовые документы свидетельствуют о глубоком противоречии с концепцией R2P, в теории моральная основа вмешательства в целом соответствует основным целям Организации Объединенных Наций.

1.2 Гуманитарная интервенция и вопросы государственного суверенитета

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос связи государственного суверенитета и гуманитарных интервенций, поскольку эта тематика прямо затрагивает территориальную целостность, внутренние дела государств и принципы Вестфальской системы международных отношений.

Краеугольным камнем Вестфальского мира и последовавшей за ним системы международных отношений в Европе, впоследствии распространившейся на остальной мир, стал принцип невмешательства в дела других государств Hayman And P. A., Williams J. *Westphalian sovereignty: Rights, intervention, meaning and context* // *Global society*. 2006. Vol. 20. No. 4. P. 524.. Государственный суверенитет, в соответствии с этим принципом, распался в теории на две взаимосвязанные составляющие: первая имела внутренний характер и была связана с независимостью государств и, как следствие, с возможностью для правящих кругов проводить независимую политику; внешнее же понимание суверенитета непосредственно связано с гарантией невмешательства иностранных государств Ibid. P. 526..

Получается, что суверенитет в его классической форме можно рассматривать как неотчуждаемое право государства на внутреннюю и внешнюю независимость, характеризующееся безоговорочным признанием со стороны остальных государств на международной арене. Само государство, как уже было упомянуто, также обязуется уважать суверенитет других (см. Приложение А).

В послевоенное время, когда международное право впервые эволюционировало в учредительный документ всеобъемлющей международной организации, наделённой правом применения силы в случае угрозы международной безопасности или безопасности государства - Организации Объединённых Наций - суверенитет в классическом его понимании был закреплён в качестве одного из основных признаков национального государства Charter of the United Nations. 1945. URL: <http://www.un.org/en/charter-united-nations/index.html> (retrieved May 10, 2016)..

На разразившуюся в XX веке дискуссию по поводу изменения понимания самого принципа суверенитета повлияли два мощных феномена, ставших неотъемлемой частью международной панорамы века и определивших направление последующего развития событий. Первый фактор - начавшаяся в середине столетия массовая деколонизация, в несколько раз увеличившая количество суверенных государств на мировой арене Hayman And P. A., Williams J. *Op. cit.* P. 532.. В результате этих перемен мир столкнулся с чрезвычайно полярной ситуацией, когда на мировой арене одновременно существовали сверхдержавы и государства, которые не всегда контролировали собственную территорию. К последнему десятилетию двадцатого

столетия за такими государствами закрепилось понятие несостоявшихся государств, и одним из первых ярких примеров была гражданская война в Сомали, приведшая к гуманитарной катастрофе и вакууму власти в стране Loubser H., Solomon H.

Responding to state failure in Somalia // Africa Review. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 1.. Именно несостоявшиеся государства, наряду с прецедентами геноцида и нарушений прав человека, стали поводом для переоценки применимости существующих понятий о государственном суверенитете к современной реальности.

Как уже упоминалось ранее, в соответствии с принципами международного права, Совет Безопасности ООН должен санкционировать любое военное вмешательство; в противном случае любые действия будут рассматриваться как агрессия, а потому считаться нарушением суверенитета. Концепция R2P, с другой стороны, требует модифицированного понимания государственного суверенитета, меняющего его внутренние и внешние компоненты. В докладе Международной комиссии сказано, что любое государство, наряду с осуществлением контроля над территорией и внутренними делами, несёт моральную обязанность по защите граждан, а в случае несоблюдения этого положения эта обязанность переходит к международному сообществу, причём военное вмешательство, исходя из изложенных в предыдущем пункте критериев, является крайней мерой The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // International Coalition for the Responsibility to Protect. 2001. URL:

<http://responsibilitytoprotect.org/iciss%20report.pdf> (retrieved May 10, 2016).. Из этого следует, что доклад предполагает изменение ключевой характеристики суверенитета: из права внутренняя его составляющая впервые трансформируется в обязанность.

Логично представить, что предложение подобной трансформации порождает целый ряд новых вопросов, каждый из которых может найти отражение и в отношении концепции гуманитарной интервенции. Во -первых, это проблема «подотчётности». Концепция R2P не даёт точного ответа на вопрос о том, перед кем несёт ответственность государство и правящие круги за выполнение своих функций и соблюдение прав граждан. В двух секциях доклада Международной комиссии непосредственно слово «ответственность/обязанность» в различных вариациях употребляется в общей сложности 10 раз; при этом ни в одном из десяти случаев не указан конкретный агент, которому государство бы было подотчётно в вопросах исполнения своих обязанностей The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // International Coalition for the Responsibility to Protect. 2001. URL:

<http://responsibilitytoprotect.org/iciss%20report.pdf> (retrieved May 10, 2016)..

Если исходить из упомянутых в докладе сторон - государства, народа, международного сообщества - этой ситуации наиболее подходящими представляются три возможных варианта. Первый путь повторяет концепцию «Левиафана» Т. Гоббса о правящем защитнике-суверене, лишь обрамляя её в рамки современности и привязывая всю теорию к соблюдению фундаментальных прав человека Nequembourg S. B. Hobbes's Leviathan: A tale of two bodies // The Seventeenth

Century. 2013. Vol. 28. No. 1. P. 23.. Но в этом случае власть несёт ответственность за свои действия перед собственным народом, что сохраняет характер проблемы сугубо внутривластным, а значит, международное сообщество может быть привлечено теоретически лишь при утрате национальным государством своего «Левиафана», то есть, работает только в случае несостоявшихся государств, т.к. при наличии действующей власти она неминуемо станет защищать государство от любого внешнего воздействия. Второй вариант - ответственность перед международным сообществом. Такой путь являлся бы идеальным оправданием проведения гуманитарного вмешательства под эгидой международных организаций или объединений, выступавших бы от имени мирового сообщества. Этот вариант, однако, имеет один явный парадоксальный недостаток в рамках рассматриваемой парадигмы: анархичный характер структуры международных отношений либо сменялся бы наделяющим правом применения силы абстрактным международным сообществом, что противоречит анархичному характеру международной системы как таковой. Существующий же орган, уполномоченный санкционировать применение силы, - Совет Безопасности ООН зачастую оказывается заложником противоречий между составляющими его членами, что неоднократно подчёркнуто в самом докладе *The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty* // International Coalition for the Responsibility to Protect. 2001. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/iciss%20report.pdf> (retrieved May 10, 2016).. 2001. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/iciss%20report.pdf> (retrieved May 10, 2016).. (При этом СБ ООН не является подобием правительства, и государства не являются ему подотчётными). Предположение же о том, что государство несёт обязанность в рамках своего суверенитета перед своим народом, а в случае их невыполнения международное сообщество выступало бы наказывающей стороной, не закрывает дискуссию о методах урегулирования, а также оставляет открытым вопрос о контактах граждан и международного сообщества в данном случае. В контексте концепции гуманитарного вмешательства и принципа «ответственности по защите» вопросы суверенитета, таким образом, занимают центральное место в попытках подвести под них международно-правовую основу. Традиционный суверенитет, согласно современному вектору дискуссии, является неприемлемым ввиду того, что а) рассматривается как право государств на независимую внутреннюю политику, что может привести к злоупотреблению полномочиями и массовым преступлениям против человечности и б) не даёт возможности в полной мере реагировать на подобные события извне. Из этого следует, что обе составляющие суверенитета в его «вестфальском» понимании требуют существенной корректировки для внедрения принципа R2P. Положения доклада Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета обрисовывают модификацию последнего, выраженную в переводе внутреннего суверенитета из права в обязанность и добавления обязанности отреагировать на возможные нарушения прав человека в других странах. Что касается дополнительной обязанности реагировать в рамках международного сообщества, необходимо выделить следующие моменты. Во-первых, для

установления факта массового нарушения прав человека ввиду бесчинств властей страны или несостоятельности органов государственной власти в кратчайшие сроки должна существовать прочная международно-правовая база.

Например, сотрудничество между страной и иностранными или международными организациями будет способствовать получению необходимой информации. Однако трудно оценить нейтральность и качество информации, как это было в случае с Ираком в 2003 году Bass G. Humanitarian Intervention in the 21st Century // *The Tocqueville Review/La revue Tocqueville*. 2009. Vol. 30. No 1. P. 19.. Во-вторых, касательно непосредственно международной реакции Алекс Беллами, учёный из США, занимающийся вопросом гуманитарных интервенций, обращает внимание на тот факт, что до сих пор неясно, какие правовые основания будут использоваться, если Совет Безопасности ООН окажется в тупике. В самом докладе на этот счёт имеется лишь указание, что неспособность СБ ООН принять решение может породить действия в обход его решений, которые будут предприняты вразрез с существующим правопорядком. Наконец, идея гуманитарной интервенции устраняет необходимость согласия или несогласия государства на вмешательство Latif M. I., Khan R. A. Peacekeeping Operations and State Sovereignty: Dilemma of Host State Consent // *Pakistan Journal of Social Sciences (PJSS)*. 2010. Vol. 30. No. 2. P. 237.. Как следствие, это создает новый вопрос для потенциальных интервентов: важна степень легитимности режима для оправдания интервенции, равно как и планы по созданию нового правящего класса по её завершении.

Итак, определяя концептуальные рамки гуманитарного вмешательства и принципа «ответственность по защите», употребление термина «гуманитарная интервенция» можно привязать, таким образом, к практической реализации концепции «ответственности по защите». В качестве теоретической базы анализа наиболее уместен конструктивистский подход в силу наибольшей релевантности теме и связи между реалистической и либеральной парадигмами, а именно признания анархичности международной системы с одной стороны и нормативной составляющей международных отношений с другой. Кроме того, концепция государственного суверенитета в его обычной, "вестфальской" форме, несмотря на наличие теоретических нестыковок, устанавливает реальные границы в рамках международной системы, которая включает в себя национальные государства. С другой стороны, понимание суверенитета через призму доктрины «ответственности по защите» представляется гораздо более расплывчатым в силу отсутствия фактора «подотчётности» государств, международно-правовых нестыковок и неясности критериев интервенции. Следовательно, в настоящее время ограниченный суверенитет не является более прочной альтернативой существующей системе международных отношений; кроме того, на данный момент не найдено чётких решений связанных с ним противоречий, что ставит под сомнение применение концепции R2P и проведение гуманитарных интервенций в рамках международно-правового поля в обозримом будущем.

2. Доктринальный аспект позиции России по вопросам гуманитарного вмешательства

2.1 Эволюция концептуального подхода России

Для того чтобы показать трансформацию концептуального подхода к гуманитарным интервенциям и принципу «ответственность по защите» во внешней политике России, необходимо сравнить доктринальные документы на предмет отражения в них соответствующих позиций. В роли таких документов способны выступить Концепция внешней политики Российской Федерации и Военная доктрина Российской Федерации. Теоретически можно обосновать данный выбор тем, что у концепции гуманитарной интервенции есть две составляющие: первая - концептуальная, выраженная в основополагающем принципе R2P, который отражает мотивы интервенции, и вторая - собственно практическая, которая затрагивает моменты, связанные непосредственно с вмешательством в дела других государств. В этом смысле позицию России через призму двух доктрин можно, как представляется, показать наиболее адекватно.

Кроме того, учитывая обширный круг тем, охваченный текстами этих концепций, сравнительный анализ документов необходимо проводить исходя из ряда критериев и направлений, которые бы позволили использовать только нужную информацию для настоящего исследования. В качестве подобных вводных можно выделить те сферы, которые упоминались как ключевые для раскрытия понятия гуманитарной интервенции ранее в тексте:

Отношение к суверенитету. Этот критерий позволит определить приверженность принципу невмешательства в международных отношениях.

Отношение к решению конфликтов военным путём. В контексте гуманитарного интервенционизма этот критерий указывает на степень готовности применить силу в разрешении гуманитарного кризиса в другой стране.

Отношение к международным организациям. В частности, рассматриваться должно отношение к ООН как к основополагающему институту миропорядка, решениям СБ ООН как к единственно легитимному органу применения силы.

Ценностный показатель. Данный критерий будет отражать степень приверженности защите общечеловеческих ценностей в рамках внешней политики страны.

Датировка данных документов (военные доктрины - 1993, 2000, 2010 и 2014 гг., концепции внешней политики - 1993, 2000, 2008, 2013 гг.) позволяет также разделить рассматриваемую эволюцию на 4 соответствующих периода: начало новой России, приход В. В. Путина к власти, избрание Д. А. Медведева на пост президента и возвращение В. В. Путина на пост президента.

1 этап. Начало 1990-х годов - начало периода после холодной войны и распада СССР, и доктрины того времени характеризуют внешнюю политику России как политику молодого государства, ставящего главными целями сотрудничество на международной арене, становление сильного Российского государства и интеграцию в международное сообщество

Отдельно следует отметить тот факт, что на момент написания документа действия в рамках гуманитарной интервенции были проведены только в отношении Сомали, норма «ответственность по защите» не была сформулирована, а значит, подобный

вопрос не мог стоять на повестке дня международного сообщества так остро, как в последующие периоды. Анализ документов этого периода, однако, необходим в целях определения отправной точки концептуальных основ внешней политики России.

Концепция внешней политики России 1993 года - явная попытка России выстроить партнёрские отношения со всеми без исключения странами (при этом упор делается на США и СНГ). Анализ наиболее часто употребляемых слов в документе показывает, что одни из наиболее употребляемых в нём словооснов - «сотрудничество» (79 повторений), «связь» (45 повторений), «право» (39 повторений), «СНГ» (38 повторений) и «США» (35 повторений); при этом слова «суверенитет» (при этом признаётся принцип невмешательства) и «ценности» (Россия заявляет об общем понимании «основных ценностей мировой цивилизации» с соседями, Западом и новыми индустриальными странами) употреблены всего по 5 раз. Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 года // База нормативных документов TwirPX. URL: <http://www.twirpx.com/file/1822127/> (дата обращения: 10.05.2016).. На основании документа можно сделать вывод о том, что Россия сменила акцент в своей внешней политике, направив усилия на выстраивание добрососедских и партнёрских отношений с государствами. Показательно то, что наравне с региональным делением направлений в документе стоит взаимодействие с международными организациями: в документе признана главенствующая роль ООН в системе международного миропорядка, а Совет Безопасности ООН назван единственным легитимным органом применения силы на международной арене (при этом указана опасность эскалации вооруженных конфликтов и важность нахождения их политических решений). Основные положения Военной доктрины Российской Федерации 1993 года // Моя библиотека. 2015. URL: <http://mybiblioteka.su/2-31570.html> (дата обращения: 10.05.2016).. Таким образом, можно заключить, что, согласно Концепции 1993 года, внешняя политика России меняется с конфронтационного вектора на вектор сотрудничества при сохранении традиционных столпов миропорядка - уважения суверенитета, территориальной целостности, международного права. Принципиально новый элемент - разделение общемировых ценностей, что ознаменовало окончательный отказ от коммунистической советской идеологии. Движение в защиту прав человека признаётся документом, но в основном направлено на защиту прав русскоязычного населения за рубежом Там же.

Основные положения Концепции внешней политики России 1993 года по вопросам суверенитета и верховенства международного права повторяют Основные положения военной доктрины, изданные в том же году. Согласно документу, Россия стремится следовать в рамках деятельности своих вооружённых сил Уставу ООН и принимать решения, не противоречащие ему, а все разделы содержат положения о том, что все конфликты по мере возможности необходимо решать мирным путём, а военное решение применимо в крайнем случае и должно служить временной мерой до начала мирного урегулирования. Основные положения Военной доктрины Российской Федерации 1993 года // Моя библиотека. 2015. URL:

<http://mybiblioteka.su/2-31570.html> (дата обращения: 10.05.2016)..

Военная доктрина качественно отличается от внешнеполитической концепции того периода двумя моментами. Во-первых, в военной доктрине вообще не рассматривается ценностная составляющая: в тексте нет ни упоминания общемировых ценностей, ни положений о защите прав человека. Это ещё раз подтверждает отсутствие подобия гуманитарной интервенции в широкой повестке дня в тот период времени. Второй момент - внутренняя нестабильность признана фактором, способным спровоцировать иностранное вмешательство (логично предположить, что подобные тезисы были включены ввиду нарастающей напряжённости на Кавказе) Там же.. Как уже было упомянуто ранее, нестабильность в стране является одним из факторов для побуждения международного сообщества к вмешательству в рамках принципа «ответственность по защите», и в доктрине 1993 года закреплена важность недопущения как нестабильности, так и вмешательства непосредственно внутри границ страны.

2. этап. Концепция внешней политики и Военная доктрина 2000 года принимались уже после событий на территории бывшей Югославии, и риторика документов кардинально меняется. Во-первых, одновременно в текстах обоих документов можно встретить термин «гуманитарная интервенция». Во-вторых, оба документа заявляют о её неприемлемости при её реализации в обход решений Совета Безопасности ООН, а в Военной доктрине проведение подобных операций в одностороннем порядке и вовсе отнесено к дестабилизирующим международную обстановку факторам (при этом список внутренних угроз расширился, в том числе путём добавления к вмешательству возможность насильственной смены режима в России).

Такие формулировки характеризуют ужесточение подхода официальной Москвы к дискуссиям о размывании суверенитета в традиционном его понимании и возможности проводить интервенционистскую политику в обход международного права. Кроме того, ключевым фактором выступает расширение охвата российской позиции - впервые затронута не только вероятность вмешательства в дела России, но и других государств. Россия, таким образом, взяла курс на оформление себя в качестве самостоятельного центра силы, и концепция гуманитарной интервенции в том виде, в котором она представала в начале 2000-х годов, шла вразрез с позицией страны по вопросам суверенитета и международной ответственности. При этом такая позиция лишь поднимает на поверхность явные недостатки данной концепции. Приверженность действиям исключительно в международно-правовом поле может объяснить участие российского делегата в разработке доклада Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета в 2001 году, Владимира Лукина. Что касается оставшихся критериев анализа, ценностный критерий вновь не поднимается в военной доктрине, а в концепции внешней политики вопрос раскрыт сугубо в контексте защиты прав русскоязычного населения⁴ 5. Нарастает секьюритизированное видение Россией международных отношений: так, в Концепции внешней политики 2000 года слово «безопасность» употреблено примерно на треть чаще, чем слово «сотрудничество», и вдвое чаще слова «право» Концепция внешней политики Российской Федерации

2000 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2000. URL: <http://archive.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3> (дата обращения: 10.05.2016)..

3. этап. Новые основополагающие документы российской внешней и оборонной политик вышли в 2008 и 2010 годах соответственно. Этого требовала кардинально изменившаяся ситуация на международной арене, характеризовавшаяся началом перехода к многополярной международной системе, ростом напряжённости (война в Ираке 2003 года, грузинский конфликт 2008 года и др.) и началом мирового финансового кризиса.

Контент-анализ внешнеполитической концепции страны показывает, что официальная внешнеполитическая позиция Москвы ещё больше секьюритизирована (слово «безопасность» - шестое по частоте в документе) и нацелена на соблюдение международных норм права (об этом свидетельствуют наиболее часто встречающиеся словосочетания: «международное право» - повторения, «Совет Безопасности» - 8 повторений, «Устав ООН» и «права человека» - по 7 повторений); словооснова «суверен-» употребляется уже 9 раз Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 года // Сайт Президента России. 2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 10.05.2016)..

В то же время термин «гуманитарная интервенция» и смежные понятия исключены из концепции вовсе, будучи единожды заменены формулировкой «норма защиты прав человека без двойных стандартов», и вновь подчёркнута важность политико-дипломатического разрешения конфликтов. Таким образом, призма безопасности и нерушимости суверенитета окончательно занимают центральное место во внешнеполитической концепции страны, а действия по защите прав человека с применением силы в других странах, согласно российской позиции, возможны исключительно в соответствии с мандатом СБ ООН.

Военная доктрина, претерпела схожие изменения. Секьюритизация российских внешнеполитических взглядов вызвана, как указано в самом документе, расширением НАТО на восток и перспективами размещения американской системы противоракетной обороны в Европе; в связи с этим данные события находят большее отражение в документе 2010 года, в то время как опасения, связанные с гуманитарным интервенционизмом, вновь сведены к положениям о нерушимости государственного суверенитета и принципа невмешательства. В остальном документ соответствует критериям предыдущего.

4. этап. На современном этапе актуальными являются Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2013 года и Военная доктрина Российской Федерации в редакции 2014 года (в которой раскладка по основным критериям не изменилась).

Что касается внешнеполитической концепции страны, в отношении трёх критериев - суверенитета, военного разрешения конфликтов и международного права - позиция России выражена аналогично документу 2008 года, при этом упоминается недопустимость злоупотребления концепцией «ответственность по защите» .

Претерпели изменения лишь ценностные ориентиры, причём в двух

принципиальных направлениях. С одной стороны, в тексте концепции вновь появляются тезисы о приверженности универсальным ценностям и моральным ориентирам; с другой - в документе оформляется стремление к коллективным действиям в международно-правовой плоскости (раздел II, пункт 21 говорит о необходимости «формирования ценностной основы совместных действий»). Таким образом, несмотря на то что отношение к концепции гуманитарной интервенции к 2010-м гг. было выведено из внешнеполитической доктрины в её непосредственном виде (а затем вновь появилось, но критика осталась лишь по поводу международно-правового аспекта), последняя версия документа закрепляет два ключевых момента в российской позиции. Первый момент заключается в том, что впервые Россия не просто заявляет о приверженности принципу невмешательства и международному праву, а призывает к коллективным действиям в случае, в том числе, гуманитарных кризисов в рамках существующих международно-правовых механизмов. Второй момент, который следует учитывать, заключается в том, что Россия не отказывается от ценностного критерия, который является основным побуждающим фактором в концепции «ответственность по защите»; ключевым фактором для официальной Москвы, в отличие от изложенного в докладе 2001 года, является иная система приоритетов: в российской официальной внешнеполитической концепции признание гуманистических ценностей не является достаточным основанием для нарушения норм международного права, действий в одностороннем порядке или нарушения суверенитета другого государства, в то время как формулировки доклада «Ответственность по защите» это допускают. Наконец, стоит отметить усиливавшуюся с 2000-х гг. оценку международных событий и явлений, в том числе возможности гуманитарных интервенций, через призму национальной безопасности, что также содействовало формированию изложенной выше позиции.

2.2 Концептуальная позиция России на современном этапе

Несмотря на отказ от непосредственного истолкования официальной позиции по вопросу гуманитарных интервенций в ключевых доктринальных документах страны к 2010-м гг., российская сторона не обходит данный вопрос стороной. В 2013 году Международно-правовой совет при МИД России рассмотрел концепцию «ответственности по защите» и опубликовал соответствующее заключение в широком доступе Заключение Международно-правового совета при МИД России. Концепция «ответственность по защите». 2013. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/920/> (дата обращения: 10.05.2016)..